
А. С. ДЕМИН

Литературные образцы «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»

Повесть об ожесточенной осаде Пскова в 1581 г. польско-литовским королем Стефаном Баторием была написана в 1580-х гг. жителем Пскова, иконописцем Василием, возможно, состоявшим при канцелярии воеводы И. П. Шуйского.¹

По мнению В. И. Охотниковой, «Повесть о приходе Стефана Батория традиционна и во взглядах на мир, и в манере повествования».² На наш взгляд, в Повести очевидны литературные новации, ориентация на новую литературную традицию, возникающую в XVI в.

В тексте «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» обращает на себя внимание любопытная особенность: употребление автором одних и тех же формул в рассказах о русских и о польско-литовских персонажах, а также развернутое повествование о врагах, что рождает эффект присутствия автора не только в стане русских, но и в стане их военного противника.

Покажем это на конкретных примерах.

Похвалы в Повести произносятся по адресу не только своего войска, но и войска вражеского. Так, храбрыми в Повести названы и те и другие: «государевы воиводы и вои... *храбро* мужествоваше» (408), поляк-канцлер, видя внезапную кончину своим «великим именитым и *храбрым* паном, в великую кручину впад» (472); Стефан Баторий говорит своим воинам: «Вы же... *храбрыя* воя... моего Полского королевства и великого княжества Литовского» (412). Приближенные Стефана Батория обещают ему пленить «*славнаго*, и крепкого, и непоколебимаго, великаго, *храбраго* гетмана, князя Ивана Петровича» (440); Стефан Баторий, обращаясь к своим воинам, говорит: «Вы же... любимая моя и *храбрыя* воя... преудобрена и *храбре* утвержена, яры царския отроки и непобедимыя витези» (412).

Симметричные ряды совпадающих выражений о русских персонажах и об их врагах пополняют осудительные слова. Так, автор Повести на-

¹ См Орлов А С Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // История русской литературы В 10 т М, Л, 1946 Т 2, ч 1 С 523—527, Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / Изд подгот В И Мальшев М, Л, 1952 С 24, 27, Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / Подгот текста, перевод и коммент В И Охотниковой // ПЛДР Вып 8 С 617—618, 620, 625 Однако есть также указания на другого автора Повести — иеромонаха Псковского Елеазарова монастыря Серапиона См Ключевский В О Древнерусские жития святых как исторический источник М, 1871 С 315—316 Основная редакция Повести далее цитируется по изданию в ПЛДР Страницы указываются в тексте в скобках

² Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков С 618

зывает «беззаконными» не только врагов («в *беззаконной* своей ереси» — 444), но и русских («ради ума *беззаконного* нашего» — 410).

Мы находим в Повести сходное описание чувств русских и их врагов. Например, «царь государь и великий князь Иван Васильевич... *великою кручиною* объят быв» (408), но и польский «король *великую кручину*... впад» (454), и «полякъ канцлер... в *великую кручину* впад» (472). Или автор отмечает не только «начало *болезнем* Руские земли» (408), но и что «литовские люди... начало своим *болезнем* предпоказоваше» (428). Псковичи горюют «с *плачем*... и *воплем* *многимь*» (436), точно так же и у литовцев «*плач* велик... и *воплъ* *мног*» (454). В отдельных случаях жалостное повествование автора относится к врагам, как будто это страдающие русские: «*бедные* литовские градоємцы... от *нужи сердца* с *плачем* глаголаху» (464). Причем никакого скрытого сарказма автора по отношению к врагам здесь не замечается.

Одинаково говорится и о чувстве радости, которую испытывают русские и их противники: псковичи время от времени «неизреченная *радости исполнися*» (452), «*радость исполнишася*» (462). Те же выражения употребляются и по отношению к врагу, Стефану Баторию, который тоже неоднократно «несказанная *радости наполнися*» (438).

Автор Повести одинаково называл одни и те же этапы или элементы воинских действий как у русских, так и у противника, потому что сама схема военных усилий мыслилась автором одинаковой у обеих сторон, здесь использована лексика и фразеология воинских повестей: сначала собирают военный совет; потом организуют войско («царь государь... на враги *воополчаецца*» — 402; немцы и литовцы «воинством на новоприемная государем грады *воополчаютца*» — 406 и т. п.); затем инструктируются начальники («бояр своих и воивод государь царь... *наказует* их своими царскими наказаньми» — 410; «своих великих панов розрядив и *наказав* литовский король Степан» — 422); далее начинается поход («царь государь... *пути ся касает*» — 402; «король Степан... *пути ся касает*» — 422); происходит столкновение («все воинство христианское... *устремившася* на литовскую силу» — 448; «литовской король... на Рускую землю *устремися*» — 406); напор сильный («против русских... *отстояти не могут*» — 402, но и против польского короля «*никакая же твердость отстоятися может*» — 420).

В пределах одного эпизода симметрично отмечалась обоюдная крепость сражающихся: «литовскому войску *крепко* и дерзостно на стену лезущим... Государевы же бояре, и воиводы, и все воинские люди со всем христианским воинством противу их непрестанно и безоотступно *крепко* стояше» (438); «псковичи противу их *крепко* и мужественно стояху... Литовскому воинству *крепце* и напорне... стреляюще безпрестанно» (440) и пр. Не только крепостью, но, например, и скоростью обладали обе стороны в один и тот же момент: «На тех же *скорых* литовских гайдуков *скорогораздыя* псковские стрельцы... изготовлены» (464). Обе стороны у автора «свирепые»: Стефан Баторий совершает на русских «*свирепое* его *нашествие*» (408), но и русский царь устраивает против «немцев» «*свирепое* ополчение» (406). Автор прямо упоминает одинаково действующих *обоих* противников: «И бе яко гром велик, и шум многъ, и крик несказаненъ от множества *обоиво* войска и от пушечного звуку, и от ручного *обоих* войскъ стреляния и крика» (438); «кровопролитное торжество свершися *обоих* стран» (448).

Все герои Повести действуют в каждый момент с полной отдачей сил и чувств. Враги «крепце вооружаютца» (400), «тщательне же и изрядно... приходят» (406), «всяко тщание показоваше» (430), «скоро и спешне» (436), «торопливейше» (452), «по возбешенному своему обычию» (460) и т. п. Сте-

фан Баторий тоже максимально энергичен и старателен: «неистовый зверь» (406), «всячески сердцем... надымяшесь» (416), «всячески умом розполашесь» (428), «велием учреждением учреди» (434), «мало сердцу его не треснути» (440) и пр. С еще большей истовостью действует русский царь: «изрядно на враги стояще» (400), «в воинстве крепко силна» (402), «паки наказует всякими царскими наказанми и ученми» (414), «умилне и богомудрене свои царские грамоты пишет» (424), «слезы же, яко струя, ото очию испущающе» (404) и мн. др. Но всех превосходит русское войско: «битися... от всея душа и сердца и от всея крепости на враги стояти» (410), «всяко тщание показоваше» (416), «всячески неослабно укрепляя» (422), «всем сердца на подвигъ возвари... все телеса адаманта утвержая» (426), «своя дела безпрестанно творяше» (428), «изрядне же и мужественне бьющесь... неослабными образы» (438) и т. п. Даже русские женщины если молятся, то «кричаще и гласы ревуще, и в перси своя бьуще, ...о забрала же и о помость убивающесь, молебне вопиюще» (442); если же им приходится участвовать в военных действиях, то они «оставивше немощи женские и в мужскую крепость оболочкеша, и все вскоре... оружие носяще... тщание скоростию показующе» (448, 450). И у каждой из сторон действует «вкупе вси» (426), «все вкупе... во едино сердце... яко едиными усты... и во единъ глас» (448).

Участники событий, как русские, так и их противники, постоянно что-то замышляют и просчитывают. Без предварительного «умышления» или «помысла» ничего не делается, перед делами они: «умышление творяше» (432), «великое умышление умышляют» (472), «всячески размышляюще» (454), «всяко размышляюще» (468), «богомудрене... смышляху» (434), «помыслы воополчаютца» (406), «помысль изрыгну» (408), «разгордеша во помысле» (420), «всемудре разсудительне усмотрех» (418), «всякими хитростми и мудрым умышлением» намерены поляки взять Псков (420), «злоумышленно же и люте лукавом» приблизились поляки к Пскову (432).

В Повести разворачивается борьба «умышлений»: «кий домысль таковъ будет в руских во Пскове воивод или всяких хитерцовъ, иже домыслитца против твоего [Батория] великого разума и твоих великих гетмановъ мудроумышленного ума?» (420); «королевские его первосоветников умышление... доведывашесь и тако противу умышлений их готовящюся» (458); «изрядне горазда мудры начальныя их [русских] гетманы противу всяких наших [литовских] замышлений» (464); «благоразумный разум въ государевых делех против... всех королевских умышлений» (474).

Самому сильному унижению подвергает автор Повести Стефана Батория за несоответствие «умышления» и дела: «Что же твоего ума, польский кралю? Что же твоего еще безбожного совету, князь великий литовский? Что же твоего замыслу, Степане? ...Аще Богъ по нас, ты ли на нас?!» (468); «затеял еси выше думы дело» (474). И сам король пеняет своим помощникам за недостаток проницательности и старательности: «Кто ли водители мои, иже на Псковъ ведяху мя, иже глаголаху, яко во Пскове болшого наряду нет... Что же се вижу и слышу?» (430).

Можно сделать вывод, что во главу всего автор Повести ставил «умышление», «замышление», «помысл», умение «размышлять». Однажды автор даже философски высказался на этот счет: «понеже не множеством владедец исправляютца начинании, но добрым советом» (434).³

³ В конце XVI в. тему «разума-умышления», пожалуй, больше никто и не затрагивал. Лишь раньше, в 1540-е гг., темы «разума» по-своему касались Иван Пересветов и Ермолай-Еразм. И затем только к 1620-м гг. вопрос о «разуме» был поднят вновь, появилась даже «Повесть о разуме человеческом». В этот список литературы XVI в. «о разуме» можно смело включить и «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков».

Необычным не только для старой литературной традиции, но и для сравнительно нового официального повествовательного стиля XVI в. кажется в Повести употребление универсальных формул, общих по отношению и к русским, и к их врагам, — это нечто особенное на фоне традиционного отношения к врагу, несомненная тематическая модификация стиля воинской повести.

Автор Повести вообще проявил необычайно пристальное внимание к врагам, рассказывая о них с эффектом присутствия в чужом стане. Если русские в Повести, включая царя, как правило, краткоречивы, то Стефан Баторий, его «первосоветники» и дворяне произносят большие речи на советах и обедах, словно бы подслушанные автором, который приводит и каким-то образом ведомые ему диалоги короля с подданными, а также тексты их посланий и грамот друг другу и русской стороне (послание жерусской стороны цитируется в Повести лишь однажды, и то как ответ на грамоту Стефана). Автор осведомлен о составе Баториева войска, о том, как король «разряжал» полки — поименно, по панам, и кто из панов потом был убит (о русских таких сведений автор не сообщает). Автор, будто его услышат, даже обращается лично к Стефану Баторию и к его канцлеру с длинными саркастическими речами (авторских обращений непосредственно к русским деятелям в Повести тоже нет).

Несмотря на авторские проклятия и сарказм по адресу врагов, автор Повести считает нужным обратить внимание на необычно любезные и доверительные взаимоотношения короля и его подданных (король постоянно называл их «друзьями», проводил с ними «мудродруголюбныя советы», обращался к ним с «милостивою ласкою», «яко к своим братом»; те отвечали «любезно» и «сердечне», с искусными похвалами — 418, 434, 440 и др.). Автор Повести представляет Стефана Батория как ценителя Пскова (см. высказанную королем публично характеристику города: «четвероградень всекаменными стенами, многославен же в земли той и многолюден... богатством же паче меры сего сияти... великого и славнаго града Пскова... многолюдный же и благородный...» — 418); Баторий же выступал ценителем и русского оружия («ни у меня с собою нет, ни в Литве остася хотя едина пищаль, еже столь далече шествия пути кажет», т. е. такая же дальнобойная, как русская пищаль, — 430); литовские гайдуки тоже служили рупором уважительного мнения о русском войске («зело бо и до горла крепце горазди... битися руские люди и изрядне горазда мудры начальныя их гетманы...» — 464).

Откуда взялась у автора склонность к развернутому изображению врагов, особенно их поведения? Близкий источник известен. Нечто похожее находим в произведении, которое появилось лет на 20 раньше Повести о Стефане, — в «Казанской истории», начиная с того, что здесь «формулы, описывающие действия врагов, применяются к русским, а формулы, предназначенные для русских, — к врагам <...> Русские и враги ведут себя одинаково, произносят одинаковые речи, одинаково описываются действия тех и других, их душевные переживания».⁴ В «Казанской истории» автор много места уделяет повествованию о врагах, приводит множество их речей, рассказывает об их прошлом и внутренних делах.⁵

⁴ Лихачев Д. С. Поэтика художественного обобщения. Литературный этикет // Избранные работы. В 3 т. Л., 1987. Т. I. С. 365.

⁵ О поэтике изображения событий и героев в «Казанской истории» см. Волкова Т. Ф. 1) «Казанская история» и троицкие литературные памятники о взятии Казани (К вопросу об историко-литературных особенностях «Казанской истории») // ТОДРЛ. Л., 1983.

Автор, несомненно, стремится изобразить татар — в немалой степени потому, что 20 лет наблюдал их в Казани, попав в плен.

Знакомство автора «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» с «Казанской историей» несомненно: автор Повести использовал некоторые выражения из нее.⁶ «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» гораздо суше и деловитее «Казанской истории», автор Повести в плену не был, и поляки с литовцами были интересны ему все-таки иначе, чем татары своей рыцарственностью автору «Казанской истории».⁷

«Двулагерность» повествования автора «Повести о приходе Стефана Батория...» восходит, пожалуй, больше к «Хронографу», чем к «Казанской истории». Именно для «Хронографа» характерны широта кругозора и изобразительная объективность изложения: попеременно то о язычниках, то о христианах или то о врагах, то о сторонниках православия, о русских и нерусских, с их речами, диалогами, посланиями.⁸

Ориентация на повествовательную манеру «Хронографа» проявилась в Повести о Стефане не только в обилии сложных слов и тавтологических выражений,⁹ но и в исторических, скорее всего, хронографических параллелях при описании событий: Стефан «превознесся на град Псков, яко же древний горделивый Сенахирим, царь асирский» (далее следует рассказ о Сенахириме — 420, 422); возможное шествие Стефана во Псков сопоставляется со шествием Александра Македонского в Рим (440): упоминается «о пленении Иерусалима Титом, царем римским» (правда, со ссылкой на «Писание» — 470). Риторические укоры автора Повести Стефану и кличка, данная ему автором, также напоминают экспрессивные авторские обращения к героям и указания их прозвищ в «Хронографе». Возможно, по образцу хронографов сделаны и частые подзаголовки по ходу Повести (правда, подзаголовки находим и в «Казанской истории»).

Таким образом, можно говорить о том, что автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» ориентировался на «Казанскую историю» и хронографы, на новые тенденции в историческом повествовании второй половины XVI в.

Т 37 С 104—117, 2) Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани // ТОДРЛ Л, 1985 Т 39 С 308—322 См также Мелихов М В Древнерусские воинские повести проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в книжной и рукописной традиции XV—XVIII вв Сыктывкар, 2001 С 161—204

⁶ См Орлов А С Повесть о приходе С 526—527

⁷ О рыцарственном этикете в «Казанской истории» см Лихачев Д С Поэтика художественного обобщения С 368—369 (со ссылкой на наблюдения Э Кинана)

⁸ Ср «автор Повести знал польские грамоты, был знаком со специальной польской терминологией» (Орлов А С О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв // ИОРЯС СПб, 1908 Кн 4 С 362)

⁹ О хронографической искусственности языка Повести см Орлов А С Повесть о приходе С 526